

жүйенің экономикасын көтеру үшін пайдалану болды. Бірақ, бұл әйелдер еркіндікте жүргенде қоғамға анағұрлым көп үлес қосатыны даусыз еді.

Пайдаланылған әдебиеттер тізімі:

1. Ленин В. И. О задачах женского рабочего движения в советской республике. ПСС. Т. 39. М. Политиздат, 1977. С. 198-205.
2. Кудышев. О. Ад под Акмолой. //Индустриальная Караганда. 1997. 9 октября.
3. Земсков В.Н. Заключение в 30-е годы (демографический аспект) //Социологические исследования. 1996. №7. С. 3-14.
4. Домась. Н. «АЛЖИР»: тогда в Казахстане было страшнее, чем сейчас в Африке. //Воин Казахстана. 2000. 27 мая.
5. Шаймуханов. Д, Шаймуханова С. Женщины-узницы Карлага. //Индустриальная Караганда. 1997. 2 декабря.
6. Кукушкина А. Р. История создания и функционирования Акмолинского лагеря жен «Изменников Родины» (30-40 гг. XX века) автореф. кин. Караганда. 2001. С.15.
7. Шымырбаева Г. Мадонны «Алжира»//Казахстанская правда. 1998. 9 мая.
8. Құмарова Ш. Зағипи Тінәлина. Алғашқы қарлығаштар. Алматы. Қазақстан. 1993. 195-196 б.
9. Кузнецова Е. «Гонкерис» значит переворот. //Карагандинская панорама. 1989. 11 ноября.
10. Шаймуханов. Д, Шаймуханова С. Дети «Врагов народа» //Индустриальная Караганда. 1997. 9 декабря.
11. Тасымбеков. А. «Карлаг» тұтқыны. //Лениншіл жас. 1990. 8 наурыз.
12. А. Табиева. Над Алжиром закат догорал. //Путь к Коммунизму. 1990. 2 марта

«...НО ВСЕ МЫ ДУМАЕМ, ЧТО ДОЖИВЕМ ДО 1980 Г.: СТРОИТЕЛЬСТВО КОММУНИЗМА В НАШЕЙ СТРАНЕ ДОЛЖНО УКРЕПИТЬ И НАШ ДУХ И НАШЕ ТЕЛО...» XX СЪЕЗД КПСС И ПРОЦЕСС ПОЛИТИЧЕСКОЙ И СОЦИАЛЬНОЙ РЕАБИЛИТАЦИИ В КАЗАХСКОЙ ССР

Медеубаев Е.И.

*кандидат исторических наук, доцент
Актюбинский региональный государственный
университет им. К. Жубанова, г. Актобе*

Процесс политических реабилитаций связывают непосредственно с именем Хрущева и его докладом на XX съезде КПСС, однако, этот механизм был запущен уже сразу после смерти Сталина. Уже в марте 1953 г. вышел проект указа «Об амнистии», подготовленного МВД СССР совместно Министерством юстиции и Генеральной прокуратурой СССР. К этому времени в лагерях ГУЛАГа, тюрьмах и колониях содержалось более 2,5 млн. заключенных. В высшем руководстве СССР не могли не понимать, что атмосфера «большого террора» привела к высокому уровню скрытого социального напряжения всего советского общества, а его дальнейшее раскручивание могло привести к непредсказуемым последствиям. Конечно же, свой отпечаток на этот процесс наложила развернувшаяся борьба за

власть в высшем руководстве страны. Каждый из претендентов пытался создать выгодный для себя образ сторонника восстановления поправных прав граждан. Тем более, что в обществе запрос на решение этой проблемы был чрезвычайно высок. Только Верховный суд СССР до марта 1953 г. ежемесячно получал свыше 30 тысяч писем-жалоб[1, с.217].

На этом фоне в мае-июне 1954 г. произошло восстание политических заключённых в 3-ем лагерном отделении Степного лагеря в посёлке Кенгир, расположенного в центральной части Казахстана. В наше время посёлок находится в черте города Жезказган. После этого восстания руководство СССР окончательно приходит к выводу о неэффективности подневольного труда заключенных. Собственно, этот вывод и становится решающим в процессе демонтажа системы ГУЛАГа в том виде, в котором она была создана в сталинское время.

Реабилитации начались уже в 1953-54 гг. и продолжались в 1955 г., но шли очень медленно. За год возвратились домой не более 10000 человек, и коснулась эта реабилитация, в основном, оставшихся в живых партийных работников[2, с.84]. Конечно, многие из вернувшихся испытывали страх после всего пережитого. Вряд ли они были в состоянии в публичном пространстве восстановить свое имя и потребовать привлечь к ответственности виновных в их мучениях. Особенно это касалось тех лиц, кто был арестован еще в разгар репрессий 1937-1938 гг. Над многими из них довлел страх повторного ареста. Мало кто из них делился со своими близкими и родными о перенесенных ими страданиях. Арестованные в предвоенные годы и прошедшие к моменту реабилитации длительные сроки заключения, были сломлены психологически и физически. Многие бывшие заключенные боялись прошениями напоминать властям о себе. Если их вызывали на заседание реабилитационной комиссии, которая обычно заседала в здании МВД или Министерства юстиции, то, как правило, они являлись с запасом вещей, уверенные, что снова отправляются в заключение.

Так, Н.С.Кузнецов, в 1937-1938 гг. занимавший должность первого секретаря Северо-Казахстанского обкома и Петропавловского горкома КП (б) Казахстана, депутат Верховного Совета СССР первого созыва от Северо-Казахстанской области, после освобождения ушел простым рабочим лесопитомника. Во время служебной командировки в Алма-Ате в 1938 г. был арестован органами НКВД и приговорён к длительному тюремному заключению. После освобождения в 1947 г. до реабилитации в 1955 г. трудился рабочим, и.о. руководителя Тихорецкого лесопитомника (Краснодарский край), агрономом-лесомелиоратором Таманской МТС (г. Темрюк)[3].

Тем не менее, были люди, кто находил в себе силы возвращаться к прежней общественной деятельности и активно проявлять жизненную позицию по важным проблемам политической и общественной жизни. Одним из таких был М.Абдиров. Он еще осенью 1956 г. обращался с письмом к Хрущеву во время его приезда в Алма-Ату. В марте 1961 г. М.Абдиров снова направляет письмо в адрес Хрущева, приехавшего в те дни

с рабочим визитом в Алма-Ату. Непосредственно перед арестом он возглавлял в Алма-Ате Публичную библиотеку им.Пушкина, одновременно являясь научным сотрудником Института истории партии при ЦК Компартии Казахстана по переводу трудов классиков марксизма-ленинизма на казахский язык. В 1941 г. был арестован органами НКВД и осужден как «враг народа» на 10 лет за то, что в частном разговоре назвал первого секретаря ЦК Компартии Казахстана Н.А.Скворцова «болтуном». Находился в лагерях и ссылке почти 15 лет и был амнистирован только в 1955 г. Автор письма благодарил Хрущева за «восстановление социалистической законности» и непосредственно с его именем связывал процесс амнистии[4, л.200-204].

Руководители партии боялись признать слишком большое количество допущенных внутрипартийных ошибок. На волне XX съезда было подано более чем 70 000 заявлений о восстановлении в КПСС, но лишь менее половины из них было удовлетворено. В результате невозможно было добиться полной социальной реабилитации с возвращением работы и квартиры, со справедливым назначением пенсии. Так, бывший председатель Верховного суда Казахской ССР Танирберген Адильбаев в 1961 г. в своем заявлении на имя первого секретаря ЦК Компартии Казахстана Кунаева жаловался на необоснованное снятие его с должности в 1945 г. по настоянию бывшего министра госбезопасности Казахской ССР Огольцова. Просил помочь с назначением пенсии, которую ему не дают, «как освобожденного от работы и не оправдавшего доверия партии и народа»[5, л.71].

Архивные источники сохранили немногочисленные свидетельства выживших жертв сталинского террора в Казахстане. Здесь следует особо отметить, что дошли документальные свидетельства только тех лиц, которые в силу своей образованности, широкого политического кругозора, опыта общественной работы смогли рассказать о случившемся и попытаться донести до общественности свою точку зрения. И партийные архивы сохранили их свидетельства, так как они накануне репрессий занимали заметные посты во власти. Показания и разоблачения рядовых жертв террора, как правило, не встречаются.

Так, 3 ноября 1960 г. на имя председателя Комитета партийного контроля при ЦК КПСС Шверника Н.М. поступило письмо-жалоба от жителя Алма-Аты Байжарасова Рахмалы (копия письма направлена первому секретарю ЦК Компартии Казахстана Кунаеву). Автор письма сообщает, что перед арестом в 1937-38 гг. занимал должность секретаря Карагандинского горкома партии. До этого был одним из руководящих работников комсомола Казахстана. В годы строительства Турксиба возглавлял комсомольскую организацию стройки и лично знал Турара Рыскулова. Рассказывает о своем аресте в 1938 г., пытках и пережитых унижениях. Был осужден на 25 лет, до 1947 г. пробыл в Колымских лагерях, затем был сослан на вечное поселение в Красноярский край. В общей сложности провел в заключении 17 лет. Во всем винит лично Берию. Был выпущен на свободу в 1955 г., за что безмерно благодарит Хрущева. Решающим этапом репрессий в Казахстане

Р.Байжарасов называет весну и вторую половину 1938 г. Развернувшиеся репрессии он связывает непосредственно с именем Н.А.Скворцова, бывшего тогда первым секретарем ЦК Компартии Казахстана. Называя его в письме «некий Скворцов», автор, видимо, хотел подчеркнуть, что к моменту своего назначения на пост руководителя партийной организации Казахской ССР Скворцов совершенно не был известен общественности республики [5, л.94-105]. Не обошел вниманием опального при Хрущеве бывшего партийного лидера республики Жумабая Шаяхметова: «В истреблении руководящих работников и других честных граждан, особенно казахов, позорную роль сыграл Шаяхметов, работавший в тот период в органах НКВД, которого видимо за эти «заслуги» потом сделали руководителем Казахстанской партийной организации... В Алма-Атинской областной партийной организации были арестованы один за другим три состава обкома партии. Первый состав обкома во главе с А.Киселевым, второй состав с Д.Садвакасовым, третий состав с Ч.Артыкбаевым» [Там же].

На XXII съезде Хрущев обрушился с новой яростной критикой Сталина. Вновь зазвучали имена казненных видных партийных, советских, военных деятелей. На этом съезде Хрущев перешел к разоблачению, отправленных им в 1957 г. в политическое небытие, В.Молотова и Л.Кагановича за организацию репрессий в 1930-х гг. Как известно, все закончилось выносом тела Сталина из Мавзолея. Таким образом, в Казахстане, как и по всей стране, возникла вторая, после 1956 г., волна критики сталинизма. Обсуждение итогов XXII съезда на местах дало возможность вновь вернуться к табуированной теме. Теперь слово попытались взять вернувшиеся из мест заключения бывшие высокопоставленные партийные работники Казахской ССР. Одним из таких был Чакпак Артыкбаев, в 1937-38 гг. первый секретарь Алма-Атинского обкома партии, депутат Верховного Совета СССР.

Само появление этих людей, исчезнувших на долгие годы, довело смысл закрытого доклада Хрущева на XX съезде до сознания очень и очень многих рядовых коммунистов куда более действенным образом. Вдруг возвращаются бывшие партийные работники, готовые предъявить живые свидетельства произошедшей с ними трагедии. Вместе с этим подобные свидетельства дополняли картину массовых репрессий в Казахстане в 1937-1938 гг. некоторыми подробностями и прямо называли действующих лиц во многом обезличенного процесса «сталинского террора».

Артыкбаев не оставлял попыток выйти к широкой партийной аудитории. Отметим, что все это происходило в отсутствии возможности выступить на эту принципиальную тему в каких-либо других, кроме партийных, коллективах, в печати, по радио, не говоря уже о нарождавшемся телевидении. Единственная возможность - это партийные собрания разных уровней. 16 ноября 1961 г. Артыкбаев обратился с запиской к первому секретарю Фрунзенского райкома партии г.Алма-Аты Мухамеджанову с просьбой дать билет на районное партийное собрание и возможность там выступить. Но и здесь руководящие партработники не дали ему слова. Тогда Артыкбаев напрямую обратился в зале к присутствующему собранию и

только после этого получил возможность для выступления. В докладной записке от 23 ноября 1961 г. в ЦК КП Казахстана по результатам партийных собраний по обсуждению итогов XXII съезда КПСС приводится содержания речи Ч.Артыкбаева на собрании партактива Фрунзенского района г.Алматы[5, л.111-118].

Главными организаторами судебной расправы Ч.Артыкбаев называет секретарей ЦК КП Казахстана Н.А.Скворцова и Ж.Шаяхметова. К весне 1938 г. органами НКВД Казахской ССР было инспирировано дело с заголовком обвинительного заключения «Об активных участниках контрреволюционной буржуазно-националистической организации». В эту «группу» по мнению следователей НКВД входили: Атаниязов М. - зав.сельскохозяйственным отделом ЦК КП Казахстана; Арстанов Ж. - редактор газеты «СоциалистікҚазақстан»; Артыкбаев Ч. - первый секретарь Алма-Атинского обкома партии, депутат Верховного Совета СССР; Амиров - первый Кзыл-Ординского обкома; Жунусов М. - первый секретарь Актюбинского обкома партии, депутат Верховного Совета СССР; Карасаев Х. - председатель Кустанайского облисполкома, депутат Верховного Совета СССР; Кошкунов И. - ответсекретарь партколлекции при ЦК КПК, Лепесов С. - зам.редактора газеты «СоциалистікҚазақстан»; Утепов Ш. - первый секретарь Западно-Казахстанского обкома партии, депутат Верховного Совета СССР. По словам выступающего все они не признавали обвинения. «26 октября 1940 г. мы были осуждены на 8 лет в исправительно-трудовых лагерях. Четверо погибло, пятеро вернулось, потеряв здоровье». Очень негативно отзываясь о Скворцове. Называет его прямым ставленником Маленкова, его помощником по партийной статистике в ЦК ВКП (б). Вместе с этим, тепло отзываясь о его предшественнике Мирзояне.

Кроме того, в выступлении Артыкбаев подробно останавливается на фигуре Ж.Шаяхметова, в 1938-1939 гг. занимавший пост секретаря, а затем второго секретаря ЦК республики. Артыкбаев высказывает свою точку зрения на причину карьерного роста кадрового чекиста Шаяхметова в партийных органах: «Как Шаяхметов мог работать секретарем ЦК КПК в 1938-54 гг. Если до 1938 не был даже инструктором райкома партии? Он ставленник Реденса (в 1938 г. нарком внутренних дел Казахской ССР – Е.М.) Почему же не нашли кого-нибудь из уцелевших от гибели партийных работников? Потому что Реденсу нужно было иметь в ЦК свой верный глаз, своего верного слугу. Вот и все»[5, л.114-115].Вместе с этим, говоря о себе и о выживших, но искалеченных в лагерях товарищах, Артыкбаев не забыл упомянуть в позитивном ключе о новой инициативе правящего главы партии и Советского правительства, выдвинутой в октябре 1961 г. на XXII съезде КПСС: «Но все мы думаем, что доживем до 1980 г.: строительство коммунизма в нашей стране должно укрепить и наш дух и наше тело»[Там же].

Можно только догадываться, какие чувства испытывали лица, которые осуществляли идеологическое обеспечение репрессий 1930-х гг. и санкционировали беззаконие, узнав о возвращении из лагерей и ссылок

людей. Многие из них после 1956 г. занимали важные посты в ЦК Компартии Казахстана, Академии наук Казахской ССР, в сфере печати, образования и культуры. Конечно, со своей стороны они старались воспрепятствовать утверждению антисталинского курса во внутренней политике. Для этого они обладали реальными полномочиями и возможностями. Особой критике со стороны вернувшихся из заключения подверглись секретарь ЦК КПК по идеологии Н.Джандильдин, вице-президент АН Казахской ССР С.Баишев, академик-секретарь Отделения общественных наук АН КазССРС. Н.Покровский.

В адрес академика Покровского С.Н. звучали обвинения в том, что будучи в 1937-1939 гг. заместителем прокурора Казахской ССР, «...принимал участие в истреблении и уничтожении многочисленных честных партийно-советских работников, создавая на них сфабрикованные, провокационные, клеветнические материалы, санкционируя своей.. (пропущено в этом месте - Е.М.) ...преступные беззакония и произвол» [5, л.101]. Эти обвинения имели под собой серьезные основания. Так, на упомянутом выше собрании партийного актива Советского района г.Алматы 15 ноября 1961 г. с официальным сообщением выступил секретарь парткома КГБ Казахской ССР Каратабанов, который заявил, что «...С.Н.Покровский должен держать ответ за многочисленные санкции, которые им были даны на арест невинных людей»[5, л.110].

В существовавшей политической парадигме объективный научный анализ сталинского режима и его идеологии был невозможен. Этим и можно объяснить половинчатость и незавершенность действий Хрущева в процессе реабилитации. Это хорошо прослеживается на примере разгоревшейся в 1960-61 гг. дискуссии вокруг фигуры Турара Рыскулова, к тому времени официально реабилитированного[6].

Говоря о попытках жертв сталинского произвола восстановить свои конституционные права, нельзя обойти стороной и роль органов госбезопасности, чьими руками осуществлялось беззаконие 1930-1950-х годов. Восстановление и укрепление законности и правопорядка, возвращение органов госбезопасности в правовое поле стало одной из главных задач хрущевского руководства. Этот процесс был запущен еще до XX съезда партии.

В этой связи обращает на себя внимание такой дискуссионный вопрос. Очевидно, что органы госбезопасности в период репрессий в своей деятельности не были подотчетны представительным органам власти и были бесконтрольны перед обществом. Считалось, что «карательный меч партии» выполняет лишь волю партийного руководства. Соответственно всю ответственность за организацию террора несло высшее партийное руководство и его представители на местах. Однако, существует точка зрения, что в какой-то момент органы НКВД вышли из-под партийного контроля. Это утверждение имеет под собой основание. В разгар чисток 1937-1938 гг., идя на поводу у НКВД, партийные комитеты исключали из ВКП (б) уже арестованных людей. Тогда как прежде члены партии, тем более

из руководящего состава, не могли быть арестованными без ведома и согласия партийных комитетов. Только уже исключенного из партии человека органы НКВД могли привлечь к уголовной ответственности. Эту ситуацию раскрывает документ, хранящийся в Архиве Президента Республики Казахстан «Справка о некоторых нарушениях социалистической законности и массовых репрессиях в Казахстане в 1937-1938 гг.»[7].

В справке прямо говорится о роли НКВД в репрессиях 1937-1938 гг. в Казахской ССР: «Органам государственной безопасности оказывалось огромное доверие, так как они имели перед народом и страной несомненные заслуги в деле защиты завоеваний революции. В течение длительного времени органы государственной безопасности оправдывали это доверие, и их особое положение не вызывало какой-либо опасности. Дело изменилось после того, когда контроль над ними со стороны партии и правительства был постепенно подменен личным контролем Сталина, а обычное отправление норм правосудия нередко подменялось его единоличными решениями.... Ежов, назначенный наркомом внутренних дел лично Сталиным, сохранил пост и секретаря ЦК КПСС (так в документе – Е.М.). Создалось немыслимое положение: нарком внутренних дел стал выше местных партийных органов, его директивы стали для них обязательными, так как он одновременно был секретарем ЦК КПСС. Это быстро сказалось на взаимоотношениях местных партийных органов с местными органами НКВД. Местные органы НКВД перестали считаться с партийными органами и стали вести себя совершенно независимо от кого бы то ни было, кроме вышестоящих органов своего ведомства. Так было и в Казахстане ...» [Там же].

В завершении хотелось бы отметить, что остались неразрешенными проблема поиска истины о совершенных коммунистической диктатурой преступлениях и проблема правосудия и воздаяния. Постсоветское общество по-прежнему испытывает на себе негативный исторический опыт сталинизма. При этом немалая часть общества оправдывает этот исторический опыт, видя в нем единственный выход из противоречий современной жизни. Тяжелый травматический опыт, пережитый той или иной страной, оставляет глубокий след на социальном теле общества.

Список использованной литературы:

1. Пыжиков А.В. Хрущевская «оттепель». М., 2002.
2. Медведев Р.А. Хрущев Н.С.: Политическая биография. М., 1990.
3. <http://www.pkzsk.info/pervye-rukovoditeli-severo-kazaxstanskoj-oblasti-za-80-let/>© Петропавловск kz - ИА REX-Казахстан
4. Архив Президента РК. Ф.708. Оп.34. Д.232.
5. Архив Президента РК. Ф.708. Оп.34. Д.280.
6. См.: <http://mysl.kazgazeta.kz> Исмаилов А. Исторические штрихи к портрету Турара Рыскулова / Мысль – Республиканско-общественный журнал. Декабрь, 2014.
7. См.: e-history.kz Мирзоян и политические репрессии в Казахстане. Публикация документа. (Документ со вступительной статьей подготовлен к публикации работниками Архива Президента РК И. Бухоновой и Е. Грибановой).